

Тот факт, что Мопассан является учеником Тургенева, ничуть не в меньшей степени, чем Флобера, почему-то совершенно не освещен в историко-литературной науке ни на Западе, ни у нас. Никто еще не ставил этой проблемы с той обстоятельностью, которой она заслуживает, никто даже не сделал попытки собрать весь относящийся сюда фактический материал. Наши данные далеко не полны и порою случайны, но, не ставя себе целью решение этой проблемы, мы стремимся лишь впервые привлечь к ней внимание исследователей. Народы Советской страны вправе гордиться тем, что русская литература помогла формированию таланта Мопассана.

Говоря «русская литература», мы не преувеличиваем. Именно через посредничество Тургенева Мопассан познакомился с творчеством Пушкина, Лермонтова и Гоголя, а позднее, в 80-х годах, когда русский роман впервые совершил победное шествие по Франции, — также с творчеством Льва Толстого. Вероятно, благодаря Тургеневу Мопассан познакомился и с произведениями других русских писателей, и уже неудивительно, что он дал в 1889 году предисловие к французскому переводу повести В. М. Гаршина «Четыре дня». Знал, разумеется, Мопассан и сочинения самого Тургенева, которые переводились на французский язык еще с 50-х годов.

Личное знакомство Мопассана с Тургеневым произошло около 1875 года (имя Мопассана впервые встречается в письмах Тургенева, датированных 1877 годом). Этим знакомством Мопассан обязан был Флоберу, которого связывала с русским романистом многолетняя и тесная дружба — на почве общности многих сторон их мировоззрения, а главным образом — взглядов на искусство.

Тургенев импонирует Мопассану не только как ближайший друг Флобера, но и всем своим громадным писательским опытом, прекрасным знанием мировой литературы и наконец положением, которое он занимал во французской литературной жизни¹. Прожив не один десяток лет во Франции, Тургенев активнейшим образом интересовался всеми новинками французской литературы, водил дружбу со многими писателями (с Золя, Гонкурами, Додэ и другими) и пользовался большой популярностью. В 1878 году, во время первого международного литературного конгресса, почетным председателем последнего был Виктор Гюго, а председателем на очередных заседаниях — Тургенев, избранный единогласно.

На первых порах, основываясь на раннем творчестве Мопассана, Тургенев, кажется, не верил в его дарование. В 1879 году, за несколько месяцев до публикации «Пышки», он говорил Леону Эллику: «Бедный Мопассан!.. Какая досада, что у него никогда не будет таланта!»²

«Пышка» и другие последующие вещи Мопассана быстро изменили точку зрения Тургенева.

¹ См. М. Клеман, И. С. Тургенев, Л. 1936, стр. 150—191, а также книгу «Иностранная критика о Тургеневе», изд. 2-е, СПб. Год не указан.

² R. Dumesnil, Guy de Maupassant, P. 1933, p. 183.

«Из молодых приятелей Флобера, — пишет М. М. Ковалевский, — Тургенев никого не ценил в такой мере, как Мопассана»¹. И по-добно тому, как Тургенев неустанно пропагандировал в России книги Флобера, Золя, Гонкуров, Додэ, Леона Кладеля, так теперь он старается связать Мопассана с русской демократической и либеральной печатью: со «Словом», «Вестником Европы», «Порядком» и др.

Еще теснее сблизила Мопассана с Тургеневым смерть Флобера. Известно, с каким благоговением автор «Пышки» отлаживал последний долг покойному. И его не могло не тронуть то обстоятельство, что, экспансивный и верный своей дружбе, Тургенев не только добивался чести быть вторым председателем комитета по постановке памятника Флоберу, но и обратился к русской публике (и к отдельным русским литераторам) с предложением сделать подписку для сооружения памятника великому французскому реалисту.

Вопрос о постановке памятника Флоберу и дальше продолжал связывать обоих друзей покойного (см. письма Тургенева Мопассану 21 декабря 1880 года и от 8 апреля 1881 года). Но в основном их соединяли чисто литературные интересы. Тургенев хвалит (письмо от февраля 1881 года) повесть «В лоне семьи» с огромным наслаждением, и наши друзья с улицы Дуэ (которые очень требовательно вполне разделяют мое мнение). «Друзья с улицы Дуэ» — члены комитета по постановке памятника Флоберу. Другое из недавних писем того же года содержит ответ Мопассану на его просьбу указать, что могут неть английские моряки (Мопассан работал над «Заведением Телье»). «Английские моряки (Мопассан Тургенев, — поют: Rule Britannia, Britannia rules the Waves. Можно ограничиться двумя первыми словами». В письме от 8 апреля 1881 года читаем: «Возвращаю Вам Вашу драму». Речь идет, вероятно, об «Измене графини де Рюи», которую Мопассан давал на просмотр Тургеневу, как раньше обращался в таких случаях к Флоберу. А в последнем письме от 26 сентября 1881 года, уже после выхода сборника «Заведение Телье», Тургенев радостно писал: «Ваше имя наделало много шума в России: перевели все, что переволно, и я привез с собою огромную статью о Вас (в «Голосе»), очень хорошо написанную и очень теплую».

Усиленно пропагандируя Мопассана в России, Тургенев впервые познакомил с ним и Льва Толстого.

«Кажется, в 1881 году, — пишет Толстой, — Тургенев, в бытность свою у меня, достал из своего чемодана французскую книжечку под заглавием «Maison Tellier» и дал мне.

Прочтите как-нибудь, — сказал он как будто небрежно, точно так же, как он за год перед этим дал мне книжечку «Русского богатства», в которой была статья начинающего Гаршина. Очевидно, как и по отношению к Гаршину, так и теперь он боялся

¹ «Воспоминания об И. С. Тургеневе», «Минавшие годы», 1908, кн. 8, стр. 15.

в ту или другую сторону повлиять на меня и хотел знать ничем не подготовленное мое мнение.

— Это молодой французский писатель, — сказал он, — посмотрите, — недурно; он вас знает и очень ценит, — прибавил он, как бы желая задобрить меня¹.

По мере появления все новых и новых вещей Мопассана Тургенев не перестает восхищаться ими. Ознакомившись еще в рукописи с новеллой «История одной батрачки», он посылает 9 марта и. ст. 1881 года М. М. Стасюлевичу, редактору «Вестника Европы» и газеты «Порядок», восторженнейшее письмо (см. примеч. к этой новелле). Но еще более, пожалуй, интересно его письмо о «Жизни» Мопассана, написанное тому же Стасюлевичу 24 ноября и. ст. 1882 года:

«Известный Вам молодой романист Гюи де Мопассан, бесспорно самый талантливый из всех современных французских писателей, написал роман, который с 15 февраля будет напечатан в «Жиль Блазе» — рядом фельетонов. Содержание этого романа мне известно — оно несколько не скабрено, как некоторые другие его вещи. Он мне на-днях прочел несколько больших отрывков — и я положительно пришел в восторг: со времени появления «Г-жи Бовари» ничего подобного не появлялось. Это не то, что Золи и пр. Я знаю, что за мною устанавливается репутация слишком снисходительного судьи и критика, — но либо я ничего не смыслю, либо роман Мопассана из ряда вон выходящее явление, *капитальная вещь*. Он бы непрочь продать его в рукописи, с тем чтобы перевод явился не ранее 15/3 февраля будущего года, т. е. первая его часть; вторая может явиться месяцем позже — т. е. в мартовской книжке «Вестника Европы» (предполагая, что первая явится в февральской), — «В. Е.», кажется, до сих пор таких дел не делал, но, повторю Вам, это вещь необыкновенная и производит сильное впечатление. Мопассан уступил бы его за 600 руб. с. Переводчика хорошего я нашел бы здесь — и сам наблюдал бы за переводом.

... Заглавие романа «Une vie». Это целая жизнь честной, хорошей жизни (sic), целая интимная драма, изображенная первоклассным художником².

Получив от Стасюлевича согласие на перевод «Жизни», Тургенев пишет ему 12 декабря и. ст. 1882 года: «... Дело с Мопассаном улажено... Он не может дать разом всю рукопись; он будет давать отдельные главы по мере их списывания. Первая уже находится в руках переводчика. Я не мог поступить иначе, так как посылать рукопись в Петербург оказалось невозможным; но будьте спокойны — перевод будет хорошо сделан под моим наблюдением; и Вы получите его в назначенный Вами срок к 25-му нашего декабря. Соблюдая Ваши интересы, я установил цену с Мопассаном в 500 руб.

¹ Полное собрание сочинений Л. Н. Толстого, т. XIX, М. 1913, стр. 211.

² «М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», т. III, СПб, 1912, стр. 218—219.

сер. Переводчик за лист получит 70 франков (менее 30 руб. сер.). Мопассан сам хорошо знает, что «Gil Blas» подлая газета... Но что прикажете делать? — *Auri sacra fames...* а в его случае — просто — роман Золи»¹.

По старому стилю это письмо было послано 30 ноября; в течение месяца перевести половину такого романа, как «Жизнь», не по силам сколько-нибудь добросовестному переводчику.

Тем временем оказалось, что Тургенев нанутал в денежных делах. Стасюлевич не согласился заплатить больше 600 франков, а Тургенев сговорился с Мопассаном о 500 руб. серебром (т. е. примерно 1500 франков). В письме от 20 декабря и. ст. Тургенев пишет Стасюлевичу об этом «казусе»: «Мопассан полагает, что он за свой роман получит 500 руб. Но он бы удовлетворился и меньшей суммой. Я ему растолкую, что тут вышло недоразумение и что ему за 400 франков на себя; надо чем-нибудь наказать себя за легкомысленность. Но роман — прелесть и чистоты чуть ли не а именно 40 сант. за строчку (Золи получает 50)»².

Но Стасюлевич не спешил и с высылкой 600 франков, а денежные дела Мопассана еще были далеко не блестящи. В результате Тургенев заплатил Мопассану 1000 франков от имени Стасюлевича, но из собственного кармана. Извещая об этом Стасюлевича в письме от 5 января и. ст. 1883 года³, он сообщал ему заодно и об окончательном письме: перевод не может быть напечатан без исправлений; «принялся за переделку... но раньше недели выслать рукопись невозможно»; тут же сообщается, что перевод второй части рукописи перелан другому переводчику⁴. Обещая прислать перевод через неделю, чтобы он все-таки успел для февральской книжки, Тургенев прибавляет: «А поправлю я перевод хорошо, ибо моя амбиция будет затронута, да и времени у меня довольно».

Однако четыре дня спустя, 10 января, к Стасюлевичу летит телеграмма, чтобы он не ждал этой вещи и для февральского номера. Вдогонку следует письмо: «Перевод оказался невозможным. Я начал было переделывать и поправлять, но убедился, что доставить его, как я полагал, через неделю или даже через две — дело немислимое... Я объяснился с Мопассаном, и он возвратил мне ту тысячу франков, т. е. продал мне за эти деньги две свои большие повести, которые он окончит нынешней весной (каждая от 4 до 5 наших листов). Он мне вручит рукописи; если Вы поже-

¹ «М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», т. III, СПб, 1912, стр. 221.

² Там же, стр. 222.

³ Там же, стр. 223.

⁴ А. Луканиной, упоминающей об этом в своей статье «Мое знакомство с П. С. Тургеневым» («Северный вестник», 1887, № 3, стр. 83).

лаете взять их (обе или только одну), — я отправлю их к Вам для совершения перевода на месте»¹.

Письма Тургенева к Стасюлевичу по поводу «Жизни» на этом заканчиваются. Попытка напечатать русский перевод «Жизни» одновременно с появлением оригинала не увенчалась успехом, продолжать же работу над переводом для «Вестника Европы» с тою перспективой, что мог появиться и другой русский перевод, Тургеневу уже не хотелось.

В восьмой книжке «Вестника Европы» за 1884 год была напечатана «Плетта» в переводе А. Н. Энгельгардт; в ее же переводе в следующем году «Вестник Европы» напечатал «Милого друга». Рекомендация Тургенева, как видим, сыграла свою роль.

В конце января 1883 года Тургеневу была сделана операция, после которой он слег и уже не вставал.

До самой кончины Тургенева его близость с Мопассаном не прерывалась. Последний раз Мопассан посетил Тургенева за пять дней до его смерти. Испытывая страшные боли, Тургенев сказал ему: «Дайте мне револьвер; они не хотят мне дать револьвер; если вы дадите мне револьвер, вы будете моим другом»².

После смерти Тургенева (3 сентября и. ст. 1883 года) Мопассан печатает в «Голуа» 5 сентября некролог. Затем 25 июля 1884 года Мопассан поместил в «Фигаро» повелу «Страх», где изложил «одну историю, рассказанную в одно из воскресений Тургеневым у Гюстава Флобера» (см. XII том). Наконец в 1891 году, в последние месяцы сознательной жизни Мопассана, им опять овладела мысль написать статью о Тургеневе. Летом этого года он стал собирать материалы для статьи, которая предназначалась им для журнала «Ревю де Дё Монд», и просил мать помочь ему в этой работе: «Мама, перечитай побыстрее главные романы Тургенева и по мере прочтения посылай мне в двадцати пяти — тридцати строчках резюме»³. В одной из последних своих телеграмм, от 30 сентября 1891 года, Мопассан сообщал матери, что собирается «съездить в Париж и глотнуть светской жизни на три недели, чтоб приготовиться к работе»; под этой «работой» подразумевалась именно статья о Тургеневе. Но осуществить этот замысел Мопассану уже не удалось.

Такова внешняя сторона отношений Тургенева и Мопассана.

Французская критика отмечает вместе с тем, что Тургенев «оказал на Мопассана глубокое влияние и даже отчасти был тем образцом, который он (Мопассан) поставил себе в пример»⁴. В другом месте тот же критик пишет: «Тургенев, которому будет посвящен сборник («Заведение Телье») и который даст прочесть его Толстому, выказывает себя лучшим и внимательнейшим из друзей: можно было бы сказать, что «москвитин» перенес на ученика

¹ «М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», 1912, т. III, стр. 225.

² Тургеневский сборник, II, 1921, стр. 30.

³ A. Lumbroso, Souvenirs etc., p. 118.

⁴ R. Dumesnil, op. cit., p. 105.

всю ту любовь, которая связывала его с Флобером. И он оказывает на талант Мопассана известное влияние, о чем, может быть, Мопассан — так близка к эстетике Флобера, по «левее» ее, как математических и искусных комбинаций, без веревочек, без драстиля (в чем она разнится от флюберовской эстетики и от чистой доктрины искусства для искусства)»¹.

Нам не удалось найти во французской критике более углубленной и развернутой оценки внутренних взаимоотношений Мопассана и Тургенева.

Между тем отдельные наблюдения уже позволяют судить о влиянии творчества Тургенева на творчество Мопассана. Показательно, например, сопоставление тургеневского рассказа «Муму» и мопассановского «Мадмуазель Кокотка» (см. т. IV).

Чрезвычайно ценным документом для вопроса об общем влиянии Тургенева на Мопассана является некролог, написанный автором «Жизни» после смерти Тургенева (см. XII том). Этот некролог позволяет ясно судить о плодотворной роли непосредственных высказываний Тургенева для формирования эстетических и литературно-этических воззрений Мопассана.

Мопассан рассматривал русского писателя как художника-новатора, как одного из бойцов современного реализма.

В предисловии к «Шьеру и Жану» мы найдем отклик Мопассана на воззрения Тургенева о современной критике. Мопассан, по видимому, несколько упрощал то, что ему приходилось слышать от Тургенева. Не забудем, что Тургенев знал Беллесского и преклонялся перед ним; вот почему деятельность разных мелкотравчатых и продажных Жюлей Жаненов могла вызывать только его презрение. В 1857 году Тургенев писал из Парижа С. Т. Аксакову: «Критики нет: дрянное потакание всему и всем: каждый сидит на своем коньке, на своей манере и кадит другому, чтобы и ему кадили: вот и все».

Взгляды Тургенева вполне совпадали с флюберовскими как в общем отношении к французской критике, так и в негодовании на ее манеру смешивать художественные произведения с их автором и сообщать разные «сенсации» и нескромности по поводу частной жизни писателя. Тем сильнее было влияние, которое испытывал здесь Мопассан. Впоследствии он реагировал на этого рода критику так же, как и Тургенев, о котором он пишет: «Но и критика произведений искусства казалась ему пустою болтовней, а когда один журналист сообщил по поводу какой-то из его книг некоторые подробности о нем самом и его жизни, он испытывал настоящее раздражение, смешанное со своеобразным стыдом писателя, у которого скромность кажется целомудрием».

«Мопассан ставил Тургенева себе в пример», — утверждает французская критика. Она не ошибается. В школе Тургенева Мопассан получал памятный пример великой скромности и внутренней чистоты писателя.

¹ R. Dumesnil, op. cit., pp. 173—174.

В 1880 году Мопассан захотел написать ряд статей об иностранных писателях и начать эту серию статьей о Тургеневе. Характерен ответ последнего (письмо от 15 ноября): «Я хочу поговорить с Вами об одном довольно щекотливом деле, которое Вы несомненно поймете. Видите ли, я пораздумал, и мне не хочется, чтобы Вы писали эту статью обо мне. Вы напишете ее великолепно, с тактом и чувством меры, но я все-таки боюсь, не окажется ли в ней — извините за выговорение — своего рода приятельской рекламы». Не возражал, чтобы Мопассан вообще писал о нем в предполагаемой серии статей, Тургенев желал только занять отнюдь не первое место и рекомендовал начать освещение русской литературы с Пушкина и Гоголя. И статью свою о Тургеневе Мопассан в 1880 году так и не написал, ограничившись помещением 20 ноября в «Голуа» небольшой заметки, озаглавленной «Изобретатель слова «нигилизм»».

Вопрос о взаимоотношениях Тургенева и Мопассана, повторяем, еще никем не изучен. Нашей целью было лишь пробудить интерес к этой проблеме, к этому эпизоду из истории русско-французской литературной дружбы. Но и приведенные материалы ясно свидетельствуют, что русская литература оказала немалое влияние на Мопассана.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПЫШКА

Перевод Е. А. Гунста

Пышка	5

ВОСКРЕСНЫЕ ПРОГУЛКИ ПАРИЖСКОГО БУРЖУА

Перевод Е. В. Александровой

Приготовление к путешествию	49
Первый выход	56
В гостях у приятеля	63
Рыбная ловля	69
Две знаменитости	75
Перед праздником	82
Печальная повесть	87
Опыт любви	93
Обед и несколько мыслей	98
Открытое собрание	106

ЗАВЕДЕНИЕ ТЕЛЬЕ

Перевод Г. А. Рачинского

Заведение Телье	112
История одной батрачки	143
Поездка за город	164
Папа Симона	177
В лоне семьи	187
На реке	216
Подруга Поля	223
Весною	243
Плакальщицы	250

МАДМУАЗЕЛЬ ФИФИ

Перевод А. И. Чеботаревской

Мадмуазель Фифи	261
Госпожа Батист	275
Ржавчина	282
Маррока	289
Полено	300
Мощи	306